

”

”

”

”

”

'Вим ВЕНДЕРС

ИСТОРИЯ ИСТИНЫ

Завтра японскому режиссеру Ясудзиро Одзу исполнилось бы 90 лет.

Одзу родился 12 декабря 1903 года и умер ровно 60 лет спустя, день в день. Он начинал в эпоху немого кино в конце 20-х с поверхностных комедий-фарсов, пережил раннее звуковое кино, работал в 40-х и 50-х и свои последние, уже цветные картины снял в начале 60-х («Вкус сайры» — 1962 г.) — всего 54 работы.

Я не киновед, я сам режиссер, оттого и об Одзу могу судить совершенно субъективно. Для меня его творчество олицетворяет «потерянный рай кинорежиссеров». Одзу для меня — величайшее сокровище киноискусства, он — первый среди святых кинопантеона. Спросите меня, зачем изобрели

кинематограф, я вам отвечу: чтобы Одзу снимал свои фильмы. В чем уникальность и ценность его картин? В том, что посредством самого скупого набора средств (фокус объектива, движение камеры) этот режиссер рассказывает все одну и ту же простую историю, с теми же персонажами, и почти всегда происходящую в одном и том же месте: в Токио. Сорок лет запечатлевал Одзу изменения в повседневной жизни японцев своего времени. Темой всех его лент, не считая совсем ранних, была традиционная японская семья, которая медленно, едва заметно, распадается, исчезает, а вместе с ней трансформируются и японская аутентичность и национальное сознание.

Эти истории столь похожи, что их легко спутать. Речь идет чаще всего о смерти одного из родителей или о замужестве дочери. Кроме того его картины фиксируют все чаще появление в японском традиционном укладе западных, по преимуществу—американских, предметов, влияний, веяний: неоновые фонари, латинский шрифт, гольф и бейсбол, признаки женской эмансипации, рекламу и англоязычные словечки в повседневном лексиконе японцев. Но нет во взгляде режиссера ни ностальгии, ни жалоб, ни стеланий, есть лишь тихая грусть и сожаление.

Одзу на протяжении многих лет подряд работал с одними и теми же людьми, с некоторыми—с самого начала и до самой смерти. Кого Нода в 1927 году написал сценарий для первого фильма Одзу «Клинок покаяния». И с тех пор до последних дней режиссера каждый сценарий они сочиняли вместе. Операторов у Одзу было за всю его режиссерскую жизнь лишь несколько. Самый верный из них, Юхару Ацута, во времена немого кино служил сперва вторым, потом первым ассистентом оператора, позже сам стал оператором и, наконец, последние 20 лет жизни Одзу был у него главным оператором. Это Юхару Ацута колдовал над камерой на съемках всех шедевров Одзу.

Тисю Рю, величайший и старейший из японских киноактеров, молодым еще человеком появился в первом фильме Одзу и впоследствии не снимался лишь в двух-трех его лентах. В остальных 50 картинах мы наблюдаем, как актер взрослеет и стареет. Снова и снова играла у Одзу и Сэцую Хара и после смерти режиссера ушла из кинематографа.

В Японии меня часто спрашивали, как европеец вообще может понять фильмы Одзу, ведь они настолько японские? Вот именно поэтому и может! Потому что они глубоко уходят корнями в национальную культуру, в свое время, в родную почву, в сознание японцев. Одзу сосредоточен на нескольких простых фабулах, и в этом добровольном самоограничении снимает кино бесконечной глубины и чуткости. Эти скромные, смиренные истории рассказывают о том, что Одзу знает досконально, так что они безграничны в своей истинности, в своей правдивости. Режиссер же свободен в своем творчестве и обладает правом смотреть на свой мир, изучать его и изображать его. Когда же зритель воспринимает эти истории на экране, они с каждой секундой кажутся ему всё более и более неземными. У других режиссеров герои—это часть фабулы, составная сюжета, у Одзу они и *есть* сюжет, и мы—свидетели этого их бытия. И если что-то происходит, значит, так необходимо: в этом жизнь героев, и иначе они не могут. Именно такова причинно-следственная связь, а не наоборот.

Иные фильмы заявляют, что рассказывают «правдивую историю», фильмы Одзу рассказывают историю правды. С того момента, как раздвигается занавес и на экране бегут первые кадры, вы откидываетесь на спинку кресла и знаете: всему, что увидите, можно доверять, потому что вам, словно новорожденному, представят истину. Вас не обманут ни единым искусственным приемом, не введут в заблуждение ни одним фокусом. Другие фильмы преподнесут вам историю, очищенную от груза повседневности, чтобы вас «развлечь» (пусть даже в лучшем смысле слова), а фильмы Одзу откроют вам тайну души человеческой, так что история семьи на экране станет и вашей историей тоже. Этот отец-японец станет вашим отцом, эта мать—вашей матерью, их жизнь переплетется с вашей. Вы снова сольетесь с этим миром. Одзу покажет вам суть вещей, отчего его зритель сам обретет свою суть.

Вот поэтому я и называю эти фильмы «потерянным раем кинематографа». Мир наш с тех пор изменился, времени на размышления, созерцания и созидания остается все меньше. Кинематограф перенял у телевидения его суетливость, стал торопливым. На нас постоянно выплескивается такое количество информации и «визуального шума», что мы зачастую утрачиваем способность погружаться в медленное, спокойное течение человеческих фильмов Одзу. В этом-то их универсальность: их аскетизм, их предельная простота, их концентрация на главном делают очевидным и ясным каждый жест, каждую эмоцию, каждое слово. Не надо быть японцем, чтобы смотреть эти картины, чтобы жить ими, чтобы наслаждаться ими, чтобы сопереживать героям на экране.

Мир стал бы иным, если бы у каждой культуры был такой хронист, как Одзу—непредвзятый, честный, чуткий, тактичный, добросовестный, осторожный, любящий мудрец, который держит зеркало перед глазами своей эпохи. Японскому кино поистине повезло, остается лишь завидовать.

Ясудзиро Одзу похоронен в городе Китакамакура, в храме Энкакудзи, под камнем, на котом начертан лишь один единственный древний китайский иероглиф «мю»: «Ничто». Я был на том кладбище, совсем недолго, вместе с одним другом. Как раз в день рождения Одзу, в теплый, солнечный декабрьский полдень. Могила была вся покрыта цветами, и за те полчаса, что мы провели там, люди с букетами всё шли и шли: те, с кем он работал, его старики-соседи и совсем молодые еще люди, впервые в жизни увидевшие один из его фильмов по телевизору. Один из тех молодых посетителей рассказал нам, что жизнь его после этого фильма изменилась.

Одзу изменил жизнь многих людей: после его фильмов нам стали ясны жизнь и смерть.

*«Frankfurter Rundschau»,
Frankfurt-Main, 11.12.1993*

Перевод с немецкого **А.А.Кукес**